

ISSN 0201—7385
ISSN 0868—4871

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

Основан
в 1946 году

Вестник Московского университета

Серия 12

ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ

2/2005

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
философский факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.И. КОВАЛЕНКО (главный редактор)
А.И. КОСТИН (1-й зам. главного редактора)
В.Я. ПАЩЕНКО (зам. главного редактора)
А.И. СОЛОВЬЕВ (зам. главного редактора)
А.В. ФЕДЯКИН (отв. секретарь)
Г.А. БЕЛОВ, И.А. ВАСИЛЕНКО, К.С. ГАДЖИЕВ,
И.А. ГОБОЗОВ, В.В. ИЛЬИН, Д.С. КЛЕМЕНТЬЕВ,
Е.Н. МОЩЕЛКОВ, Ю.М. ПАВЛОВ, Л.Н. ПАНКОВА,
В.П. ПУГАЧЕВ, А.В. РЯБОВ, В.И. ШАМШУРИН, А.Ю. ШУТОВ

Редактор С.М. МЕДВЕДЕВА

Технический редактор Н.И. Матюшина

Корректоры Г.Л. Семенова, В.А. Ветров

Адрес редакции:

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел. 203-31-28

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации № 012715 от 6 июля 1994 г.

Сдано в набор 04.02.2005. Подписано в печать 30.03.2005.
Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 7,0. Усл. кр.-отг. 6,82. Уч.-изд. л. 6,8. Тираж 974 экз.
Заказ № 213 . Изд. № 8035.

Ордена "Знак Почета" Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Типография ордена "Знак Почета" Издательства МГУ.
119992, Москва, Ленинские горы.

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 12 ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

№ 2 • 2005 • МАРТ—АПРЕЛЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Научная жизнь

Опыт общественно-политических трансформаций на постсоциалистическом пространстве: “круглый стол” российских и польских ученых

Выступления:

В.И. Коваленко, А. Стемпень-Кучиньска, И.А. Василенко, Т. Валлас, Р. Лось, И.В. Павлов, А. Галовацки, Б.А. Богомолов, В. Матерски, А.В. Пролубников, К. Кубяк, М.А. Омаров, Э. Ольшевски, Я. Грыз, А.В. Федякин, Ч. Мойсевич, К. Маляк, Ю.Н. Онофрийчук, А. Чупиньски, А.С. Семченков, Ф. Голембски, М. Марчевска-Рытко, М. Бараньски, Х. Халупчак, Д.Г. Сельцер, Т. Годлевски, М.Г. Анохин, В.П. Воротников, Я. Адамовски, А.А. Горбунов, М. Вальковски, А.Л. Демчук 3

CONTENTS

Scientific life

Social-politic transformations on the post-socialistic area: "round table"
of Russian and Polish scientists

Statements:

V.I. Kovalenko, A. Stempen-Kuchinska, I.A. Vasileenko, T. Vallyas,
R. Los, I.V. Pavlov, A. Glovatsky, D.A. Bogomolov, V. Matersky,
A.V. Prolubnikov, K. Kubyak, M.A. Omarov, A. Olshevsky, Y. Gryiz,
A.V. Fediakin, Ch. Moisevich, K. Mallyak, Y.N. Onofriychuk, A. Chupinsky,
A.S. Semchenkov, F. Golembisky, M. Marchevska-Ritko, V. Baransky,
H. Halupchak, D.G. Seltser, T. Godlevsky, M.G. Anokhin, V.P. Vorot-
nikov, Y. Adamovsky, A.A. Gorbunov, M. Valkovsky, A.L. Demchuk . . . 3

Специальные пункты появились также в межгосударственных соглашениях.

В ходе трансформации общественной системы произошли кардинальные изменения в национальной политике польского государства. Оно отошло от политики ассимиляции, признало права всех этнических групп на свободное развитие. Движение обновления в организационной жизни отдельных меньшинств нашло свое выражение в образовании новых представительств и структур, часто не только с общественно-культурными, но и с политическими целями. Была создана система финансирования особо важных для жизни отдельных национальностей культурных, издательских и общественных инициатив. Особо следует выделить создание законной возможности участия представителей меньшинств в работе парламента. Изменилась также политика польского государства по отношению к религиозным сообществам и церквям, объединяющим представителей наименьшинств. Закон о гарантиях свободы совести и вероисповедания, принятый в 1989 г., обеспечивал отделение церкви (костела) от государства, гарантировал свободу исполнения религиозных функций и равноправие всех религиозных сообществ. На этом основании закон стал регулировать отношения государства и с Польской автокефальной православной и Евангелическо-аугсбургской церквями.

В ходе трансформации общественной системы суть действий польских властей в области национальной политики составляет, таким образом, желание создать для всех граждан, независимо от их национальности, языка и вероисповедания, фактическое равенство прав и обязанностей. Государство не дифференцирует свои действия по отношению к отдельным меньшинствам. Суть национальной политики состоит в определении четкого стандарта, гарантирующего каждой этнической группе возможность полнокровного развития. Основанием взаимоотношений между польским государством, его органами и национальными меньшинствами являются общие установки международного и внутреннего права, а также принцип лояльности по отношению к государству. Польские власти в своих действиях выделяют также положительную роль меньшинств как "естественного моста" в отношениях Республики Польша и их "родных" государств.

Д.Г. Сельцер: Издаваемая в СССР литература, доморощенная и переводная, много рассказывала о зарубежных кланах. Акценты составлялись таким образом, что термины "мафия", "тайные общества", "кланы" представлялись синонимами. "Якудза" и "Триада", сицилийская мафия и империя Рокфеллеров рассматривались как транснациональное явление, как пример жесточайшей борьбы элит, дерзкий и перманентный вызов обществу, наконец как мощный рычаг влияния на мировую экономику и политику.

Реалии постсоветской эпохи отодвинули рубрику “их нравы” на второй план. Смена правящих элит, борьба за политическое обладание, оформление негосударственных сегментов экономики в странах недавнего социализма дали такой толчок возникновению неформальных практик, групп интересов, что затмили еще совсем недавно высмеиваемые зарубежные “эталоны”. Д. Старк и Л. Бруст, изучив “постсоциалистический эксперимент” в странах Восточной Европы, остроумно сравнили его с движением от плана к клану.

Та же тенденция проявилась и в бывших республиках СССР. Аналитики говорят о существовании влиятельных кланов на Украине: обвинения оппозиции в адрес президента и большинства Верховной рады в попытке установить “криминально-клановую тиранию” выглядят не только политическим действием, но и заслуживающим доверия экспертным мнением, ведь оппозиция — тоже кланы.

В странах Закавказья и Средней Азии клановая структура — традиционная схема жизнеустройства. Постсоветская действительность, однако, проявила здесь сходства и различия. Азербайджан, например, значительно более европеизированная и светская страна, чем, скажем, Туркмения. При одном, принципиальном, добавлении. В силу светского характера государства клановость в Азербайджане, в отличие от Туркмении, ведет к конкуренции элит-кланов. Правительство, разумеется, может опираться только на “своих”, не оставляя для “чужих” вакансий в иерархиях. Тогда возникает оппозиция (азербайджанский случай). В Туркмении это невозможно. Патриархальные кланы там не трансформируются в кланы политические: все каналы политической мобильности жестко заблокированы.

К началу 1980 г. номенклатура представляла собой теневые клиентелы, кланы и корпорации, ждущие своего часа для конверсии ресурсов в реальную политическую власть или экономический капитал. Субъективизм и секретность отправления политики создавали благоприятные условия для кумовства, протекционизма, клановых связей, номенклатурного “обычного права”.

Ослабление, демифологизация системы, признание права на существование негосударственной собственности стремительно усилили своекорыстные номенклатуры и не только ее, что создавало возможности для вертикального кланового строительства. Началась борьба организовывающихся частных интересов, консолидирующихся по ведомственному, местническому, земляческому, корпоративистскому принципам с прямым выходом в экономику. После августа 1991 г. к власти, вне логики кланового развития, пришла интеллигенция (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Россия), впрочем, вскоре сметенная постноменклатурными кланами. В российском случае — “семьей” (причудливым симбиозом старой и новой номенклатуры). В 1998—1999 гг. разразилась ее война с московским кла-

ном, чей лидер Ю.М. Лужков, вероятно, уверовал в победу на президентских выборах и, по сути, приблизил серьезную угрозу "семье". Коллизии 1999 г. завершились усмирением "москвичей", выдвижением "питерцев" и "силовиков".

Тема кланов ныне — одна из самых упоминаемых в жанре политической словесности. О ней говорят политики разного уровня. Журналисты употребляют термины "война кланов", "кровная межклановая вендетта" и т.д. А есть ли основания так считать? Есть, что отчетливо показало исследование ИСАНТа "Самые влиятельные люди России — 2003", осуществленное под научным руководством О.В. Гаман-Голутвиной.

Факторами кланового развития России являются следующие: патриархальные традиции России; разрыв по линии государство — общество; отсутствие "подачи снизу"; жесткое вертикальное деление на правящую элиту, социальные группы, осуществляющие передачу принимаемых "наверху" решений, и население как объект управления; отсутствие партисипации и демократизации системы управления; анклализация и гибридизация российской трансформации; рассредоточение, исчезновение власти и собственности, единого центра принятия решений, его замена множеством таких центров; возникновение феномена закулисья; институциональная рыхлость госструктур, заменяемых теневыми формами власти; приватизация институтов государства кланово-корпоративными структурами; растворение государства в политико-финансовых корпорациях или подмена его сегментов олигархическим правлением; существование групп интересов, сетевых, личных отношений, обволакивающих государство и общество; провинциализация политики и властных отношений; активизация регионов; выдвижение на политическую сцену провинциала со свойственным ему менталитетом — образом жизни, социальными предрассудками, комплексами, своекорыстием.

Каковы перспективы кланового развития России? Ответ на этот вопрос, полагаем, напрямую связан с ее демократическим транзитом.

Согласно подходу В. Гельмана, "неформальная институционализация" — распространенное следствие посткоммунистических трансформаций, не временный "дефект" российского политического режима, а долгосрочная и принципиальная его характеристика. По мнению А. Мельвиля, демократические транзиты не всегда имеют демократический характер, но "транзитологическая парадигма" победит. Подход Л. Шевцовой гласит, что ныне правление В.В. Путина может эволюционировать и в направлении усиления кланового начала, и в сторону выбора неклановой логики. С точки зрения Т. Грэма, клановая система — важный фактор российской политики. Она придает ей стабильность, но и ограничивает возможности для манев-

ра. Плюсами клановой системы являются многополярность, балансирование между кланами, деидеологизация. Минусами — цинизм, небрежение интересами общества, ведь объективно демократия для кланов — орудие в борьбе за власть, не более.

На наш взгляд, перспектива кланового развития России и стран СНГ в среднесрочной перспективе весьма велика. Причины — и в объективной слабости общества, и в заинтересованности власти в такой модели. Могут меняться кланы-победители, их персональный состав, но не система. Пока кланы составляют ее фундамент.

Т. Годлевски: Период от апреля 1989 г. до демократических парламентских выборов осенью 1991 г. можно признать переходной стадией от моноцентристской социалистической системы до плюралистической демократии. В этом смысле можно с некоторым упрощением принять определение данного периода как “контрактной” демократии — от контракта (соглашения) “круглого стола”. Первоначально в научной литературе применялись также определения “концессионная демократия”, “идушая сверху” или же “революция” (революция путем реформ). Фундаментом “контрактной” демократии был консенсус старой правящей элиты и оппозиционной контрэлиты “Солидарности”. Политические элиты должны были выполнить роль главного актора системной трансформации, особенно в ходе изменений нормативной подсистемы. Речь шла о переменах, происходящих сверху путем переговоров и контроля, конечно, в таком масштабе и таких формах, в каких можно было это предвидеть и реализовать.

По мнению социолога В. Веселовского, суть консенсуса элит можно свести к четырем условиям. Необходимо, во-первых, единодушие политических партнеров в оценке функциональности политической системы. Во-вторых, единство мнений относительно основных направлений деятельности законодательной и исполнительной власти, т.е. двух основных плоскостей реформ. В-третьих, одобрение правил взаимных отношений либо отсрочка замыслов политической элиминации партнера. В-четвертых, взаимное признание некоторого минимума законности (легитимации) с целью партнерского взаимодействия. Однако прочность согласия относительно по отношению к тематике и ко времени, а значит — к политической динамике перемен. Причем согласие относительно целей не является достаточным условием, чтобы констатировать существование консенсуальных элит, ни тем более элит, консенсуально интегрированных вокруг фундаментальных целей и общих ценностей.

В такой теоретической трактовке соглашения “круглого стола” могут трактоваться как консенсус элит по поводу значимой реформаторской орбиты влияния. Тем более, что он охватывал также сочетание геополитических обусловленностей, связанных с интересами